

Моё знакомство с волгоградским поэтом Василием Стружем состоялось много лет назад во дворе Литературного института. Держался он уверенно, как держатся люди, знающие себе цену. В творческой среде немало мнящих себя гениями – в основном, будущими или непризнанными. Показалось, что рослый, словно отмеряющий слова при разговоре Василий – из подобных, но когда он принялся читать свои стихи, то стало понятно: жизнь одарила меня знакомством с Поэтом.

А чуть позже Струж подарил мне свою первую книгу – “Косноязычие”.

“Почему такое непозитичное название?” – этот вопрос не выходил у меня из головы, пока я не приступил к чтению. И тогда сразу прояснилось: да, это на редкость точное, как в аптекарском рецепте, название. В предисловии к книге Станислав Юрьевич Куняев заметил: “Её косноязычие – его сущность. Он другого языка не знает”.

*Вставай, сопящий Струж! Вставай, пройдоха.
Вставай. И собирайся делать день;
Пока душа от лени не издохла,
Тащи к восходу из подъезда тень.*

Как видим, это действительно косноязычие, но какое! Ст. Куняев верно определил главную черту поэзии Василия: “...особенность его косноязычия в том, что, разгребая эту словесную грудку, эти сорняки и чертополохи, вдруг нащупываешь в их гуще жемчужные зёрна, отливающие подлинным поэтическим блеском...”

И в самом деле, в современной, омассовлённой литературе тонны и тонны стилистически выверенной макулатурки – совершенной по форме и абсолютно обезличенной и выхоленной. Строгое соблюдение правил силлабоники – вовсе не гарант достойной поэзии. У поэта Василия Стружа всё как раз наоборот. Его стилистическое “прихрамывание” становится платой за сохранение мысли. Когда их Величества Рифма и Ритмика уводят не в ту сторону, не всегда хватает мастерства закрепить мысль в рамках языковых правил. Зато со смысловой и образной составляющей в книге полный порядок. Вот почему, вопреки и несмотря на косноязычие, увлекает поэзия Стружа, особенно когда автор пишет историю своей семьи, своего двора, своей страны.

*Я был колхозник на селе,
И вспоминать-то горько...
И вдруг страна — навеселе!
Случилась перестройка!*

Далее та, ослеплённая собственными иллюзиями и одураченная псевдо-демократами часть интеллигенции может воочию представить, что на самом деле происходило с деревней, не со слов теоретиков из масс-медиа, а в жизни человека, переживавшего крушение в эпицентре событий.

*Я начал резать мелкий скот,
Шли годы перестройки.
Я резал — крупный. Крал — что мог.
Участвовал в попойках.*

*Сменялись всё хозяева.
Мы всех обворовали.
Всё перерезали. Трава
Растёт — в доме, в подвале.*

Вот она — страшная правда народа, утратившего в себе хозяина и веру во власть. И образ растущей в доме и подвале травы лишь усиливает образ катастрофического разрушения страны и, самое главное, — духовного стержня народа. И Струж не обеляет себя, он честен, как на исповеди.

*Зайдите вы в моё село!
Проехать невозможно.
Село дубравой заросло!
Чертополох — острожный!*

И опять же одним словом передана целая картина — “острожный чертополох”. Именно что к острогу и приводит такой чертополох...

Тема перестройки вообще не могла не оставить следа как в жизни, так и в творчестве поэта, чья юность прошла под её лозунгами. Ну, каждый ли молодой человек мог удержаться от искушения поверить в обещание новой власти привести страну к почти что коммунистическому земному раю? А закончилось, как после игры в бумажки с Мавроди.

*Заканчиваем перестройку,
Сворачиваем все узлы,
Из шалаша несёмся в койку,
И объегорены, и злы.
.....
Идём гурьбою на конвейер.
Мы снова полуфабрикат...*

Рассеялся напущенный либералами при активном пособничестве мнимой интеллигенции (с её: “Ура! Одобряем-с! Верим-с!”) дурман и явилась преображённая выпавшей из ниоткуда новой властью демократических капиталистов или капиталистических демократов (поди их разбери!) Россия.

*А наши детки подросли,
но не идут работать.
Анархия — знай веселись!
Потом по фене ботай...*

Книга “Косноязычие” по большому счёту не отличается лиричностью, автор, в первую очередь, рассказчик, тяготеющий к размышлениям. И, как любому выходцу из простого народа, ему ближе социально-политическое направление мысли безо всяких политкорректностей.

*Когда натянутые жилы
Русских баб и мужиков
Звучат ни мёртвы и ни живы,
Когда страна в руках жидков,*

*Когда за русским карьеристом
Спешит жидовский карьерист,
А власть от русских чисто-чисто
Очищена, и жид неистов,*

*Когда жидытам мелким — льготы,
Жидкам покруче — царский дом! —
Тогда спасает ящик водки
Да песня, только не погром.*

И не поймёшь, чего здесь больше — отчаянной лихости сорвиголовы, или Василий попросту не отдаёт себе отчёта в возможных последствиях? Довели, как говорится, русского мужика до шапки и до края обрыва. А уж когда отступать некуда, наш медведь способен на подвиги.

*Я десять лет, как безголов!
Я Пугачёв! Я Стенька!*

И вполне естественно, что такой бунтарь приходит к следующему выводу:

*Человек воздвигнул государство —
Общей мыслью, общим же трудом,
Воплощёнными, увы, в коварстве —
Этим и цветёт наш страшный дом.*

Искренность Василия — искренность так и не повзрослевшего ребёнка (“И главное, ребёнок // Я был взрослый!”), который может быть внезапно нескромен (“Хорошо, что Бога поражаю // Верною любовью всерьёз!”) и очень нескромен (“В бизнесе я гнул подковы! // Бизнес Ваську отпустил...”). Что ж, и снова издержки перестройки и последующих “перекроек” 90-х годов, ведь для тех везучиков, кто успел поносить малиновый “пинжак с карманами” и повладеть прочими атрибутами “крутой” жизни, после гибели своих экономических макровселенных понижение социального статуса стало сильным ударом по самолюбию. У многих из них образовался комплекс “бывшего коммерсанта” — склонность похвалиться прошлыми материальными успехами.

*Я дружен был и с нефтегазом,
С Европою дружил и турков знал.*

А ведь и вправду, как заметил в своём предисловии Ст. Куняев, стремился человек выбиться в люди, не сидел сложа руки. И как не желать, если детство прошло в таких условиях, что... Но оно, это детство, и закалило, выработало неугомонный характер и старательного работника, и ловкого коммерсанта, и, в конечном счёте, вдумчивого поэта.

*Мы били крыс. Они кусались,
Гоняли кошек и собак.
Здесь жизнь и смерть меня касались!
И потому я не размяк.*

И потому, уже взрослым, “и яблоки таскал, и помидоры, сбирал зерно на самосвал...” Но увы — дефолт всё “языком слизал”. А может, и всё равно не получилось бы, потому что характер — типично русский, душа нараспашку... Как просто и вместе с тем ёмко подметил нашу национальную черту Василий: “Я не боялся. Я, конечно, трус, // Но не боялся, если биться начал”.

Как определить эту русскость в нашем народе коротко? Может быть, избытая жажда остаться самим собой, не поступаться совестью перед злом? В то время как вся страна вместе со всем миром восхищается достижениями немецкого автопрома, Струж протестует против этого коварного реванша западной цивилизации с её механизацией и обезбоживанием человеческой души.

*Нравятся мне эти пухлые “мерины”,
Круглые “Ауди” и “БМВ”. —
Что-то гестаповское, что утеряно
Немцами в Волге, есть в этом дерьме.*

Доставшийся в наследство от предков дух Победителя и здесь оставляет надежду в то, что и перед ползучим материальным искусом выстоит Русь и не утратит спасительной духовности.

*Нравится мне их боязнь бездорожия,
Как разбивает их наша братва;
Нравится мне, когда в пухлую рожу им
Ржёт запорожец, качая права.*

*Нравятся мне и японочки тонкие,
Что, праворуля, капоты суют
В челюсти “КрАЗам”, которые комкают
Их, как фольгу. “КрАЗы” пришлых жуют!*

Такое косноязычие дорогого стоит. К тому же за ним опять стоит замечательная образность и видение сути вещей. У Стружа немало “жемчужных зёрен”. Это и философские откровения, и насыщенные метафоры, когда мазком-другим создаётся красочное полотно. Меня всегда удивляло, как у таких крупных и внешне не творческих людей неожиданно оказывается тонкой психологическая структура, которая проявляется в том числе и в нехарактерной, как уже подмечалось выше, для его творчества лиричности.

*Лежит крещёная, нагая,
Помолодевшая река! —
И сердце у меня — не камень,
Оттаяло, и кровь — легка.*

Несмотря на прямолинейную категоричность, Василий порой удивляет неожиданными откровениями: “Женою муж такой гордится, // Какую сможет воспитать”. Это лишь на первых порах может показаться, что ничего особенно мудрого в сказанном нет, на самом деле подобное открытие приходит на склоне лет и далеко-далеко не каждому. И потом, неумение воспитать, в конечном счёте, завершается эрой феминизма, издержки которого ведут к деформации традиционного мира, появлению новых “ценностей” с утратой истинного представления о подлинной красоте и гармонии. Красота не спасёт такой мир!

*Её мужицкие ужимки
Под женственной кожурой,
Её сапфические шишки
В ней гонор выдают мужской!*

*Уж лучше б лирику листали
И плакали плеяды дам;
Не выжились и не мужали,
Доверившись дитя́м, слезам.*

Для русской (и, прежде всего, — традиционной!) поэзии характерны ве- роисповедальные порывы и поиски. Струж не исключение. Книга и начинается подобным стихотворением, в котором прослеживается неоднократно

звучащая в сборнике тоска по вселенскому счастью, та самая тоска, что срывала с места русского человека в поисках Беловодья.

*Я светился, в пику тёмным силам!
Я плескался! Искрестился поп,
Говорил — большое чудо силим
Зрением своим, идёт потоп!*

Настоящий поэт должен сказать что-то новое, что-то такое, что оставит след в душе, как истинное откровение. Ведь образы и неизбитые мысли остаются в памяти.

*Божьи люди шли втроём —
Мама, я, сестра. У церкви
Мы перекрестились, пьём
Веру, бьющую из сердца
Господа...*

Или вот сочный образ:

*Я деньги сильно не берёг,
Но каюсь, что по ним я плакал,
Как мелкий полевой зверёк,
Теряя зёрнышко меж лапок!*

Подобная поэзия — находка для пародистов, любящих содержательные образы. Ну, как пройти мимо стихотворения “Я видел кладбище в Армении...”!

*Я встал, прошёлся за бутылкою.
Продолжил вечер, боль залил,
Бутылка оказалась пылкою,
Армению я позабыл...*

*В Европу Коба выбил двери!
Петруша высадил окно!
Наш новый русский — сивый мерин —
Свалил всю стену! А темно...*

Творчество Василия Стружа вообще достаточно политизировано, и авторская позиция — как на ладони. Многократно звучащее слово Сталинград говорит о том, что поэт воспринимает себя именно сталинградцем, а не волгоградцем. И это в эпоху, когда само имя вождя превратили в страшное пугало.

*Стал снова пограничным город —
Наш Сталинград. Пришла война.
По городу под ручку с ворогом
Туристом бродит сатана.*

*Под залпы: “Денег, денег, денег!” —
Я карту куцую скатал.
Сверкнул в ней жалко русский гений,
На смятые колени встал.*

И всё же поэт Василий Струж — оптимист и борец, что подспудно подтверждается и большим числом восклицательных знаков в его стихах. И пусть порой его охватывают апокалиптические настроения:

*Друг без друга нам отпущено
Будет мало. Велики*

*Очень дерзкие религии,
Где есть дьявол, нет Христа.
Велики дни разноликие
Нашей розни, без креста! —*

обусловленные духовным оскудением народа (“Теперь Россия обмельчала, // Нас негры переходят вброд!”), всё равно он надеется на лучшее:

*Нам жить да жить! Сомненья — прочь!
Мы все освоим вместе
Огромный куш земли, точь-в-точь,
Как наши деды, с честью!*

В современной литературе немало сильных поэтов. И пусть каждый оригинален по-своему, сказать по-настоящему что-то новое, не повторяя друг друга, удаётся единицам. Струж, при всех своих недостатках, самобытен, колоритно живописен, остро социален, а его поэтический почерк не сравним ни с чьим. Пусть он тоже порой повторяется, пусть бывает и неоригинален, но, тем не менее, необычный авторский стиль и творческая задиристость выделили его из поэтической среды последних лет. Он просто стоит особняком, — ну, никому не повторить его талантливого косноязычия! Да и не нужно. Пусть Струж будет один такой.

“Я весь мир перевернул, а никто и не заметил”, — есть у него простая и вместе с тем важная строка, верно отражающая суть литературного процесса и задачу творца — изменить мир. А уж заметят или нет — неважно: главное, Василий, продолжай преобразовать мир, чтобы следующие твои строки оказались пророческими:

*И на исходе будет век
Моей длиннющей, вечной жизни —
Заметит новый человек:
Большой поэт сгорел в Отчизне!*